

ЕВГЕНИЙ КРАВЕЦ

ДОРОГА
В ПУНКТ
Я

СТИХОТВОРЕНИЯ

Евгений Кравец

Дорога в пункт Я.

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23685080

ISBN 9785448388644

Аннотация

Евгений Кравец, автор скандально прогремевшего в Сети стихотворения «Я иду убивать в „Шарли“», наконец выпустил дебютный бумажный сборник. «Дорога в пункт Я» – здесь соседствуют произведения, написанные ещё в прошлом веке, и более известные современные стихи. Они такие разные – резкие, умные, грустные, эпатирующие, ироничные – и такие узнаваемые. Книжка получилась живая – с характером и судьбой.

Содержание

Часть I. Обочина	6
Талант	7
Кларисса	9
Иерусалим	11
«С безлюдных крыш и шумных магистралей...»	12
Ветер	13
Я иду убивать в «Шарли»	15
Летопись бесчестия	17
Душа	18
«Я бессмысленно кликаю мышку ...»	19
Ложный путь	20
«Заламываем рапорты картинно...»	21
Гюрза	22
«В заботе братской, поминутно причитая...»	23
Я выбираю ложь	24
Урбано	26
Давно хотелось попробовать	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дорога в пункт Я

Стихотворения

Евгений Кравец

Иллюстратор Валерия Егорова

Дизайнер обложки Евгений Кравец

© Евгений Кравец, 2017

© Валерия Егорова, иллюстрации, 2017

© Евгений Кравец, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8864-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождение новой книги всегда событие, особенно если она заслуженная и выстраданная. Как говорится, большому кораблю – большое плавание, надеюсь «Дорога в пункт Я» таковой и является. Книга вызревала долго, ранние стихотворения, вошедшие в нее, написаны немногим менее 20 лет назад. Автор замысловато перемешал наиболее актуальные и совсем юношеские вещи, создается впечатление, что книга состоит из произведений разных авторов. Эволюцию поэта проследить трудно – это доступно только тем, кто давно сле-

дит за стихами Е. Кравца. Да и сам интерес к исследовательской работе отходит на второй план – поглощают оригинальные темы, умение постановки масштабных вопросов и поиск нетривиальных творческих решений. Автор не кичится знаниями, но умело пользуется ими. Разноплановость, на мой взгляд, главное достоинство человека пишущего.

Евгений – смелый экспериментатор, не боящийся утратить узнаваемость за сменой антуража. Его отличают интеллект, сдобренный щепоткой эпатажа, и чувственность, не переходящая в спекуляцию. Меня очень радует сам факт появления книги, он даёт надежду на то, что умные и честные стихи жизнеспособны, они непременно найдут отклик в человеческих душах.

Желаю автору творческой востребованности не только в Волгограде, где, едва соприкоснувшись с «литературным недомоганием», молодые поэты начинают задыхаться от собственного бессилия, но и за его пределами, где порой возможности захватывают и главное уходит из поля зрения. Невозможно приобрести любовь читателя без чуткой, способной на поступки, человеческой души, ибо она главный цензор всему живому.

Наталья Сырцова,
член Союза писателей России.

Часть I. Обочина

Талант

Эй, человек!
Будь так добр, подойди.
Продаёшься?
Это риторика – знаю ответ...
Но почём?

Я подкопил...
остроумца ищущу, вероложца,
Кто не по вкусу просолен был
и наперчён,

Не опустившего взора,
когда презирали,
Кто к пасторальным утехам
вовек не привык,

И, не боясь навсегда
угодить в мизерабли,
В горле не прячет
бессовестный острый кадык.

Нет, я не Дьявол,
сверкающий серной главою,
Тот, кто приводит вас в мир
ледяною рукой.

Нет, я – Талант,
и я выкуплю сердце живое,
Сколько бы ни торговался
сквалыга Покой.

Кларисса

*«Кто-то любил её: кормил мёдом и белладонной,
держал в тепле»*

Т. Харрис «Молчание ягнят».

Тха... Тха... Тха...

Три коротких выдоха только грудью —
отключив диафрагму, обездвигив сердечные клапаны,
усмирив вибрацию бёдер, залапанных
одноклассником в сальном отцовском бьюике...
Я шагну и побуду жратвой на серебряном блюде.

По-гекконьи уставится, не моргая,
черепную коробку бесстрастно вскроет,
надиктует готовый вывод: я – полароид,
моментальный, как озарение попугая...
деловито жужжа, признаю языки врагами.

Но впервые меня не едят, а пробуют,
отделяя любовно от розовых спаек волокна;
в исступлении жреческом всматривалась и глохла:
тело страхов моих, дородная недотрога,
в полушариях ныло, словно они – утроба.

Если зрение ищет эстампы, крачек, секвойи

Или угли коптящих уютom немых бегоний,
То хоть *témpus edáx*¹, и беспаятство сложено вдвое —
золотушным руном укрываясь, на луны воя,
оставайся навеки в халатно открытом загоне.

¹ *Témpus edáx, homo edacior* (лат.) – Время прожорливо, а человек ещё прожорливее

Иерусалим

Сердце мое – Иерусалим,
ребра мои – стены плача,
Мертвой улыбки розовый дым,
В мыслях таинственных прячу.
Став Незнакомкой званых миров,
Тесному времени внемля,
Даже горжусь тем, что я не готов,
Медленно лечь в эту землю.
Мне бы допить расточительный взгляд
и без смятенья расстаться.
Мне бы миллионы столетий назад
Под скорлупой зарождаться.
Я отрицал бы тот чопорный сон,
Где каждый с событием сросся,
И чаще с эпохой отождествлен,
Чем с бытовым неустройством.

«С безлюдных крыш и шумных магистралей...»

С безлюдных крыш и шумных магистралей,
Из подворотен и нервно мерцающих окон
Зеленый мрак кричит, что его обокрали,
Тяжелой грудью упали к кровавым истокам,
Силком обидной свободы сдавили каменный крест.
Мы ожили в ногах, тех, чьи стяги забвенья короче.
А среди изобилья чумой опаленных невест
Умирало младенчество грубо приласканной ночи.

Ветер

Все спорилось... Как, помнится, давно,
Зелеными ладошами взрывая
Красу пестрящую обыденного рая,
Расстрига-ветер сжег мое окно.

Топорща взгляд пустующих очей,
Наполнив мукою мешки незримых легких,
Покалывая плоть, пустил по небу токи,
И у камина сел, как юный книгочей.

Он понукал рудые языки,
За ниточки привязанные к пальцам,
Лишь отчужденный ум бессонного страдальца,
Оставил на мгновенье свой замшелый скит.

И, надо же, достался мне!
Как череп мой ему, должно быть, тесен!
Но не беда: читал намедни в прогрессивной прессе,
мозг так же часто протекает и в спине.

Я стал всеведущ, быстр, красив и смел,
мог наблюдать движение корпускул...
Выдерживать подобную нагрузку,
Наверное, я б долго не сумел.

Я посетил давно уснувший сквер,
И умирал террор беседой кроткой,
Из ила поднимал дымящие подлодки,
Воссоздавал щедроты темных недр.

Но вскоре ум ушел, истек, как лунный свет,
Мне стало нечем назидать своим грядущим детям,
Ведь, как и ранее, один крамольный ветер
Гулял в такой гостеприимной голове.

Я иду убивать в «Шарли»

Каждый шаг бесконечно труден.
Не о Боге – об амплитуде
Должен думать в своем пути.
Пресмыкаясь, как скользкий Голлум,
Головой не задену пола
И продолжу вперед ползти.

Потолок уже мной исхожен
До прерывистой шейной дрожи,
До искусственных снов и рвот.
С аппаратом вестибулярным
Сверхтиражные окуляры
Вытворяют переворот.

Через стёкла инвертоскопа
На больную смотрю Европу...
Или нет? Может, я привык?
Там намазы гудят с окраин:
«Ты терпим, оттого бесправен:
Кто согласен – всегда безлик»

И в Рейкьявик, и в Тенерифе
Карандашный приводит грифель
Черный след, за иглою нить.
Не в клозетах опять разрухи,

Но оттуда сползутся мухи,
Чтобы хлётким газетам мстить.

Устрашась моего жужжания,
Лучше комкайся, парижанин
В самый рыхлый поддых Земли.
Прилижись, подступает хоррор,
Скоро встретятся наши взоры —
Я иду убивать в «Шарли»!

Летопись бесчестия

Гордыня – грех, и нечем тут кичиться:
Бессонной ночью жизнь не повторим.
Не Цезарь я, на триумфальной колеснице
Въезжающий в беснующийся Рим.

Война не стала мне достойной школой,
Звезда моя, не встретившись нигде,
Повелевала полчищам монголов
Блуждать по раскалившейся Орде.

Упершись в безысходное начало,
Сам в будущности мыслями зачах.
Обеденные кубки каннибалов
Я на могучих выносил плечах.

О подвигах моих не сложат саги,
Среди титанов мне не умереть,
Но как блестит кассир в универмаге,
Глотая мою праведную медь.

В его руках – почтенье и забота,
В его глазах – воззвание к труду,
Смятенье и решимость донкихота,
С ним летопись бесчестия веду!

Душа

Разделим жизнь по каплям, по созвездиям,
На ночи, на недели, по рублю,
По датам, по исходам, по известиям,
На тех, кого ищу, кого терплю.

Судьбу измерим громкими петардами,
Подковою, кинжалом и плащом,
И медленно пылящимися скарбами,
И теми, кто, казалось, ни причем.

Останется, наручниками клацая,
Кружась в шифоне, юбками шурша,
Безвольною рабой – царицей властной,
Сиротским завещанием душа.

«Я бессмысленно кликаю мышку ...»

Я бессмысленно кликаю мышку —
Старче, невод, шум вод в плей-листе
Всяк востребован, даже услышан
В абсолютно немой пустоте

И облайкан лихою бабулей —
Вполплеча просвистели хулы
Воспаленные зенки огуглив,
Мы находчивы... и веселы.

Ложный путь

Ты – рыхлое капризное дитя,
Избравшее неумиранья позу,
Ко мне пришло на паровых локтях,
А в них засела древняя заноза.

Через плечо процедишь: «Трепещи!»,
И кровавые тельца все восстали,
Но тут же узловатые плющи
Вплелись в мои крылатые сандалии.

То маслянистость в памяти пятна
Затягивает рябь на миокардах,
То, к ревностной корриде сведена,
Дурманит застарелым перегаром.

Но лишь себе признаю: «Ты – Мечта,
Хоть путь к тебе я почитаю ложным»,
Вдруг с выверенным посвистом кнута
Ты на спине мне рассекаешь кожу.

«Заламываем рапорты картинно...»

Заламываем рапорты картинно,
Но жала притупляются о лбы.
Мы выбрали беспечную активность,
Которую талантом не избыть.

Иные от рожденья до погоста
Несутся с чашкой кофе по золе
Пусть каждый судит сам о неудобствах
Висения на холоде в петле.

Гюрза

«Дипломатично» ведь не значит «мирно»?
Шипящий знак вопроса, как гюрза.
Мальчишечьи альты в конце строки пунктиром,
Им снизойти – мне недорассказать.

Затягивают шабаши безгрешных,
Их злостно нарастающий итог,
Но... добрым именем не смастеришь скворешню,
И репутация – лишь фиговый листок.

Откажут ноги – уж подбиты клинья,
А чтоб титан все медленно постиг,
Не избежим никак кирпично-красных линий —
Мгновенных казней ломаных интриг.

«В заботе братской, поминутно причитая...»

В заботе братской, поминутно причитая,
Я изорву набрякшие бинты,
Полуденную митру питаю
От сумеречно серой простоты.

Затем спрошу: друзья-гипербореи,
Кто цедит солнце ситечками крон?
Там, в жирной тьме, среди густых корней,
Горит лениво белое ядро.

Я выбираю ложь

Я выбираю ложь из меньших зол,
Для ретуши – логические кляксы:
Расчет на монголоидную мягкость
И сплющенный овальный кругозор.

А нынче госпиталь холодной белизной
Подпитывает внятную решимость
Увидеть – что бы где ни копошилось —
Осунувшийся абрис твой резной.

Вот пчелы созревающей вины
Вранья геометрические соты
Учуяли... да, будет им работа!
Хоть закрома трофеями полны.

Я у кровати стылой не молчал,
Всё бормотал о здравии и утре,
О штиле, что заменит краткость бури,
О скрашенных возлюбленным ночах.

Рта уголки сложились в серый бриг,
Безвольно утопающий в сиропе...
Но в будущность уже меня торопит
Нотариус – бесчувственный старик.

Ты до утра уже не доживешь,
Но я приемлю все свои уловки.
Не знаю, чем разочарован Локи,
Ведь я опять спокойно выбрал ложь.

Урбано

У неба синего истока,
Среди пустующих низин
Стоглазый мегаисполин
Окутал мир нещадным смогом.
Кругом хрипят: «Мундштук приладь»;
Дыша на полиса наскальность,
Здесь все по мере сил старались
Как можно реже умирать.
А вдруг представить, будто кто-то
В густом орнаменте чернил
С фатальной страстью позабыл
Обыкновения чахоток,
Он ляжет рядом – посмотреть,
Переполюняемый харизмой,
Как протекающие жизни
Его не предвещают смерть.

Давно хотелось попробовать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.